Пожелтевшие талисманы были написаны кровавыми буквами. Облупившаяся краска скрывала чёрные символы. Обгоревшие бумажные деньги валялись в гостиной, а по полу были разбросаны снимки. Хань Фэй взял в руки ближайшую к нему фотографию. На ней запечатлели девушку в кандалах, кандалы вокруг ее лодыжек были привязаны к цепям. Её живот выпирал. Она держала голову опущенной, так что волосы закрывали лицо. Одной рукой она поддерживала свое тело, а другой тянулась к камере, как будто хотела выхватить ее.

Почерневший матрас, светлая кожа; толстые кандалы, тонкие руки; цель не хотела снимков, а фотограф бесконечно щелкал затвором. Это была всего лишь фотография, но все было обставлено очевидно и жестоко.

Из спальни донесся звук лязгающего металла. Тонкая нить, привязанная к оси, двигалась, заставляя звенеть подвешенные к ней колокольчики. Из глубины комнаты донеслось хрипение мужчины. В его голосе слышался женский крик. Это было настолько мучительно, что боль больше нельзя было измерить обычными стандартами. Держа фотографию в руке, Хань Фэй медленно передвигался по гостиной, он не мог быть уверен, была ли женщина-прыгунья в комнате или нет.

— Это странное место. — Все стены были исписаны странными и бессвязными предложениями. Они также были увешаны талисманами. Дверцы всей мебели оставили распахнутыми, в темноте они походили на открытые гробы. Хань Фэй бывал в комнате 1244 в игре "Зиккурат" и в реальности, но ни одна из этих вариаций не могла создать такую атмосферу, как комната в загадочном мире. Как только Хань Фэй переступил порог, он сразу же заметил отличия. Каждый предмет здесь был наполнен чем-то пугающим. Ужасающие вопли всё не стихали. Звон колокольчиков сводил с ума, а мужчина пел всё быстрее и громче. Стараясь не смотреть на разбросанные фотографии, Хань Фэй медленно приблизился к главной спальне.

Над дверью висела кукла вуду, сделанная из человеческих волос. Дверь спальни была закрыта не до конца, поэтому Хань Фэй постоял снаружи и заглянул в щель. Главная спальня была оформлена как церемониальный алтарь. На стене висела фотография матери Чжуан Вэнь. Чжуан Вэнь, которая была ещё ребенком, стояла на коленях и плакала. Её голову прижал к земле чрезвычайно уродливый мужчина. Тот выписал какие-то странные иероглифы у неё на спине. Пока он писал, его губы что-то бессвязно бормотали. Его слова были бессвязными, но Хань Фэй частично уловил смысл сказанного. Суть заключалась в том, что призрак, вселившийся в мать Чжуан Вэня, теперь переселился в дочь, и она должна была “очиститься”. То, что произошло дальше, было удушающе бесчеловечно. Хань Фэй увидел, как мужчина достал разделочный нож. Он знал, что это было просто виртуальное воспоминание Чжуан Вэнь, но всё равно толкнул дверь, чтобы остановить церемонию.

Когда Хань Фэй открыл дверь, за его спиной раздался девичий голос.

— Кто ты такой?

Невероятно напряжённый Хань Фэй, вздрогнул и резко повернул голову. Позади него стояла маленькая девочка. Она была милой, особенно её глаза. Они казались яркими и мягкими, в них проявлялся интерес ко всему на свете.

— Я хочу спасти девушку, над которой издеваются. — Хань Фэй ответил честно. Девушка в замешательстве сморщила лицо:

— Здесь есть еще одна девушка?

— Разве она не… — Хань Фэй вернулся в главную спальню. На картине на стене больше была

изображена не мать, а сама Чжуан Вэнь. Её портрет в спальне отличался от других фотографий, разбросанных по гостиной. Девочка в чёрно-белом портрете выглядел относительно нормально. Под портретом были две бумажные куклы в человеческий рост, они были покрыты символами и словами. Перед бумажными куклами стояли на коленях мужчина и женщина.

Уродливый старик, вырезал что-то на их плоти. Слова, которые он вырезал, напоминали те, что были на бумажных куклах. Старик, вероятно, выполнял какой-то ритуал, чтобы перенести трагедию двух детей на пару бумажных кукол. Мужчина пробормотал что-то такое, что однажды сказал Чжуан Вэнь. Старик обмакнул кончик разделочного ножа в киноварь и медленно вырезал слова, защищающие от зла, на двух телах. Пара продолжала кричать от боли, а уродливое лицо мужчины искажалось от душевной боли, но он должен был это сделать. Увидев, как наказывают детей экзорциста, выражение лица Хань Фэя ожесточилось.

Девушка рядом с Хань Фэем была сбита с толку. Она предположила, что Хань Фэй не знал подробностей, поэтому объяснила:

— Они все плохие люди, не надо их жалеть.

— Я не испытываю к ним жалости, просто чувствую себя мерзко, потому что с той девочкой тоже когда-то так обращались. — Хань Фэй молча закрыл дверь главной спальни. Болтая с девушкой, он бродил по комнате, исследуя другие комнаты. Вскоре он обнаружил кое-что интересное. За каждой дверью скрывались болезненные воспоминания Чжуан Вэнь, Хань Фэй мог видеть множество ужасных вещей, через которые пришлось ей пройти. Но всякий раз, когда маленькая девочка приближалась, события в комнате менялись, и вместо этого показывалось наказание семьи экзорциста.

Комната в Зиккурате была якорем для памяти её обитателя, но комната сердца 1244, казалось, не хотела показывать плохие воспоминания этой маленькой девочке. Обойдя все комнаты, Хань Фэй остановился перед балконом. Ему вспомнился разговор, который у него был с девушкой в игре "Зиккурат". Он повернулся, чтобы получше рассмотреть невинную девушку. Губы Хань Фэя приоткрылись, но он не мог заставить себя следовать сценарию, написанному в игре "Зиккурат". Он взъерошил волосы девушки:

— Ты действительно счастлива оставаться здесь, наблюдая за этим изо дня в день?

Моргая глазами, девушка, казалось, не понимала Хань Фэя. Она надолго задумалась, прежде чем покачать головой.

— Поскольку ты здесь несчастлива, почему бы тебе не уйти отсюда и не посмотреть мир снаружи? Есть много вещей, которых ты раньше не видела за дверью. Я не могу гарантировать, что все они будут хорошими, но, по крайней мере, некоторые из них смогут принести тебе истинное счастье. — Хань Фэй не мог изменить того, что уже произошло в реальности, всё, что ему оставалось сделать, это утешить маленькую девочку в загадочном мире.

— Уйти отсюда? — Девушка заколебалась. Пока она размышляла, талисманы на балконной двери стали дрожать, прежде чем начать отслаиваться и падать. Хань Фэй знал, что источник ненависти прыгуньи находился там, на балконе, так что такая реакция, вероятно, была вызвана его словами. Он тут же схватил девушку за руку и попятился. Колокольчики, развешанные по всей комнате, безумно зазвенели. Обычная на вид балконная дверь начала вибрировать, как будто вот-вот разлетится вдребезги.

— В этой комнате слишком опасно, я отведу тебя в безопасное место. — Подхватив девушку,

Хань Фэй не вышел на балкон, а выбежал из комнаты 1244!

Когда он выходил из комнаты, уведомление пропело у него в голове:

[Уведомление для игрока 0000! Награда за миссию, которую вы выбрали в комнате 1244, — Чжуан Вэнь!]

[После того, как ребенок Чжуан Вэнь умер, не сумев принять правду, она вытеснила остатки своей человечности в образ маленькой девочки, и, возможно, эта маленькая девочка и есть настоящая Чжуан Вэнь. Так сработал её материнский инстинкт, хоть она и стала монстром, одержимым ненавистью, но была готова отдать всё чистое и хорошее, что было в ней, своему ребенку.]

[Внимание! Ты забрал последнюю частичку человечности Чжуан Вэня, Чжуан Вэнь будет вечно преследовать тебя, пока ты не умрешь!]

Еще до того, как система огласила приговор, талисманы на балконной двери превратились в пепел, а из-за нее донесся жуткий голос.

— Если я прикоснусь к тебе, ты умрешь!

http://tl.rulate.ru/book/61445/3351719